

МИХАИЛ НЕСТЕРОВ

Давние дни

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 4

УДК 82-43
ББК 84(2Рос=Рус)6
Н56

Тексты печатаются по изданию:

Нестеров М. В. Давние дни. Встречи и воспоминания /
подг. текста и примеч. К. Пигарева. М.: Искусство, 1959

Нестеров, М.

Н56 Давние дни / Михаил Нестеров. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — 297 с. — (Серия «Пальмира — искусство»).

ISBN 978-5-517-13665-7

Настоящее издание представляет известного художника Михаила Васильевича Нестерова (1862–1942) как писателя, автора очерков. Героями Нестерова становятся его современники, в первую очередь художники, а также меценаты, писатели и театральные деятели. Нестеров писал о людях с теми же проникательностью и человеколюбием, с которыми писал их на своих полотнах. Очерки художника — блестящая мемуарная литература, заслуживающая самого пристального чтения.

УДК 82-43
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Сологуб А. П., составление, 2024
© Пигарев К. В., наследники, примечания, 2024
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2024

ISBN 978-5-517-13665-7

ОТ АВТОРА

Кто не знает, что воспоминания, мемуары — удел старости: она живет прошедшим, подернутым дымкой «времен минувших». И это придает им особый аромат цветов, забытых в давно прочитанной «книге жизни».

В предлагаемых очерках, в некоторых воспоминаниях о людях, об их деяниях, о том, о чем люди эти когда-то думали-гадали, прочитавший очерки, быть может, найдет немало субъективного, но иначе оно и быть не может, так как моей задачей и не было вести протокольную запись виденного, слышанного, и в очерках своих я говорю так, как понимаю и чувствую, нисколько не претендуя на непогрешимость.

Природа моя была отзывчива на явления жизни, на людские поступки, но лишь Искусство было и есть моим истинным призванием. Вне его я себя не мыслю, оно множество раз спасало меня от ошибок, от увлечений.

В искусстве, в темах моих произведений, в их настроениях, в ландшафтах и образах беспокойный человек находил тихую заводь, где отдыхал сам и, быть может, давал отдых тем, кто его искал.

Я избегал изображать так называемые сильные страсти, предпочитая им наш тихий пейзаж, человека, живущего внутренней жизнью. И в портретах моих, написанных в последние годы, влекли меня к себе те люди, путь которых был отражением мыслей, чувств, деяний их.

Москва, июль 1940 года

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

МОЕ ДЕТСТВО

В тихий весенний вечер 19 мая 1862 года в Уфе в купеческой семье Нестеровых произошло событие: появился на свет божий новый член семьи. Этим новым членом нестеровской семьи и был я. Меня называли Михаилом в честь деда Михаила Михайловича Ростовцева.

Родился я десятым. Было еще двое и после меня, но, кроме сестры и меня, все дети умерли в раннем детстве. Род наш был старинный купеческий: Нестеровы шли с севера, из Новгорода, Ростовцевы с юга, из Ельца.

Помнить себя я начал лет с трех-четырех. До двух лет я был слабым, едва выжившим ребенком. Чего-чего со мной не делали, чтобы сохранить мою жизнь! Какими медицинскими и народными средствами ни пробовали меня поднять на ноги, а я все оставался хилым, дышащим на ладан ребенком. Пробовали меня класть в печь, побывал я и в снегу на морозе, пока однажды не показалось моей матери, что я вовсе «отдал Богу душу». Меня обрядили, положили под образа. На грудь положили небольшой финифтяный образок

Тихона Задонского. Мать молилась, а кто-то из близких поехал к Ивану Предтече* заказать могилу возле дедушки Ивана Андреевича Нестерова. Но случилось так: одновременно у тетушки Е. И. Кабановой скончался младенец, и ему тоже понадобилась могилка. Вот и съехались родственники и заспорили, кому из внуков лежать ближе к дедушке Ивану Андреевичу. А той порой моя мать заметила, что я снова задышал, а затем и вовсе очнулся. Мать радостно поблагодарила Бога, приписав мое воскрешение заступничеству Тихона Задонского, который, как и преподобный Сергей Радонежский, пользовался у нас в семье особой любовью и почитанием. Оба угодника были нам близки, входили, так сказать, в обиход нашей духовной жизни.

С этого счастливого случая мое здоровье стало крепнуть и я совершенно поправился. Первыми моими впечатлениями, относящимися годам к трем, помнится, было семейное торжество: отец с матерью уехали на свадьбу к моему крестному отцу Василию Степановичу Губанову, уфимскому городскому голове. Крестный выдавал свою дочь Лизаньку за сына новоиспеченного богатея Чижева, прозванного работавшими у него бурлаками Казна. И вот, помню я, как во сне: зимний вечер, мы с сестрой остались в горницах с няней. Сидим в столовой за круглым столом, я леплю какие-то фигурки не то из воска, не то из теста. Мы с сестрой ждем приезда родителей со свадьбы, ждем гостинцев, которыми, бывало, наделяли гостей в таких случаях. Гостинцев мы в тот вечер так и не дождались — заснули. Получили их на другой день утром. Чего-чего тут не было: каких

* Кладбищенская церковь.